

Изображение русского дворянства

Один из важнейших тематических пластов романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» — жизнь русского дворянства начала XIX века. Еще в 1850-е годы дворянство интересовало Толстого-художника как среда, в которой формировались характеры будущих декабристов. По его мнению, истоки декабризма нужно было искать в Отечественной войне 1812 года, когда многие представители дворянства, испытав патриотический подъем, сделали свой нравственный выбор. В окончательном варианте романа дворянство уже не только среда, из которой появляются люди, задумавшиеся о будущем России, не только общественно-идеологический фон для главного героя — декабриста, но и полноценный объект изображения, аккумулирующий размышления автора о судьбе русской нации.

Дворянство Толстой рассматривает в его отношении к народу и национальной культуре. В поле зрения писателя — жизнь всего сословия, которое предстает в романе как сложный социальный организм: это сообщество людей, живущих многообразными, порой полярно противоположными, интересами и стремлениями. Нравы, поведение, психология, образ жизни различных кругов дворянства и даже отдельных его представителей — объект пристального внимания романиста.

Светское общество Петербурга

Петербургский свет — лишь небольшая, наиболее отдаленная от интересов народа часть сословия. Ее духовный облик выясняется в самом начале романа. Вечер у Анны Павловны Шерер, которую автор сравнивает с хозяйкой «прядильной мастерской», — это «равномерная, приличная разговорная машина», заведенная для обсуждения модных тем (разговаривают о Наполеоне и готовящейся антинаполеоновской коалиции) и демонстрации светской благовоспитанности. Здесь все — разговоры, поведение героев, даже позы и выражения лиц — насквозь фальшиво. Нет лиц, индивидуальностей: все словно надели маски, намертво приставшие к лицам. Князь Василий Курагин «говорил всегда лениво, как актер говорит роль старой пьесы». Анна Павловна Шерер, напротив, несмотря на свои сорок лет, «была преисполнена оживления и порывов». Живое общение заменено обрядами, механическим соблюдением светского этикета. «Все гости, — иронически замечает автор, — совершали обряд приветствования никому неизвестной, никому неинтересной и ненужной тетушки» (т. 1, ч. 1, II). Громкий разговор, смех, оживление, любое непосредственное проявление человеческих эмоций здесь абсолютно неуместны, так как нарушают заранее определенный ритуал светского общения. Вот почему поведение Пьера Безухова выглядит бестактным. Он говорит что думает, увлекается, спорит со своими собеседниками. Наивный Пьер, поддавшись обаянию «изящных» лиц, все ждал чего-нибудь «особенно умного».

Важнее речей становится то, что не высказывается, а тщательно скрывается посетителями Шерер. Например, княгиня Друбецкая только потому пришла на вечер, что хочет добиться у князя Василия протекции для сына Бориса. Сам князь Василий, желающий пристроить сына на место, которое предназначалось барону Функе, спрашивает, правда ли, что императрица желает назначения барона на это место, «как будто только что вспомнив что-то и особенно-небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главной целью его посещения» (т. 1, ч. 1, I). Изнаночная сторона скованной условностями жизни высшего петербургского общества — дикая попойка у Анатоля Курагина, в которой участвует Пьер Безухов.

Московское общество

В Москве жизнь в меньшей степени подчинена условностям, чем в Петербурге. Здесь больше людей неординарных, таких, как граф Кирилл Владимирович Безухов, старый екатерининский вельможа, или Марья Дмитриевна Ахросимова, эксцентричная московская барыня — грубоватая, не боящаяся высказать все, что считает нужным и кому считает нужным. В Москве к ней привыкли, а в Петербурге ее поведение шокировало бы многих.

Семья Ростовых — типичная московская дворянская семья. Илья Андреевич Ростов известен своим хлебосольством и щедростью. Именины Наташи — полная противоположность вечера у Шерер. Непринужденность общения, живой контакт между людьми, доброжелательность и искренность чувствуются во всем. Герои не разыгрывают привычный спектакль, а предаются искреннему веселью. Этикет постоянно нарушается, но это никого не приводит в ужас. Заразительный смех — непритворный, свидетельствующий о полноте ощущения жизни — постоянный гость в счастливой семье Ростовых. Он быстро передается всем, соединяя даже самых далеких друг от друга людей. Гостя Ростовых рассказывает о бесчинствах Пьера в Петербурге, о том, как квартального привязали к медведю. «— Хороша... фигура квартального, — закричал граф, помирая со смеху». При этом «дамы невольно смеялись и сами» (т. 1, ч. 1, VII). Наташа, смеясь, вбегает со своей куклой в комнату, где сидят взрослые. Она «смеялась чему-то, толкуя отрывисто про куклу...», в конце концов «не могла больше говорить (ей все смешно казалось)... и расхохоталась так громко и звонко, что все, даже чопорная гостя, против воли засмеялась» (т. 1, ч. 1, VIII). В доме Ростовых не притворяются, обмениваясь многозначительными взглядами и натянутыми улыбками, а смеются, если смешно, искренне радуются жизни, печалятся чужому горю, не скрывают своего.

В 1812 году особенно отчетливо проявился эгоизм петербургского дворянства, его кастовая замкнутость, отчужденность от народных интересов. «Разговорная машина» работает на полную мощь, но за приглашенными светскими рассуждениями о народном бедствии и вероломных французах не стоит ничего, кроме привычного равнодушия и урапатриотического ханжества. Москвичи покидают свой город, не думая о том, как это будет выглядеть со стороны, не делая патриотических жестов. Анна Павловна Шерер демонстративно отказывается ездить во французский театр: из «патриотических» соображений. В отличие от Москвы и всей России, в Петербурге во время войны ничего не изменилось. Это была по-прежнему «спокойная, роскошная, озабоченная только призраками, отражениями жизни, петербургская жизнь» (т. 4, ч. 1, I). Петербургский свет больше занимает, кого из своих многочисленных поклонников выберет Элен, кто в милости или в опале при дворе, чем происходящее в стране. События войны для петербуржцев — источник светских новостей и сплетен об интригах штабных военных.

Жизнь московского и провинциального дворянства во время войны резко изменилась. Жители городов и деревень, оказавшихся на пути Наполеона, должны были или бежать, бросив все, или остаться под властью неприятеля. Наполеоновские войска разорили имение Болконских Лысые Горы и имения их соседей. Москвичи, по словам Толстого, с приближением неприятеля относились к своему положению «еще легкомысленнее, как это всегда бывает с людьми, которые видят приближающуюся большую опасность». «Давно так не веселились в Москве, как в этот год», «растопчинские афишки... читались и обсуживались наравне последним буриме Василия Львовича Пушкина» (т. 3, ч. 2, XVII) Многим поспешный отъезд из Москвы грозил разорением, но никто не думал, хорошо или плохо будет под управлением французов в Москве, все были уверены, что «под управлением французов нельзя было быть».